

Сэлли Лэйрд

ЛИТЕРАТУРА В СССР - ЧТО ИЗМЕНИЛОСЬ? ^{х)}

Наш специальный корреспондент Сэлли Лэйрд, занимающаяся вопросами советской литературы, в конце мая сего года совершила поездку в СССР, где в течение двух недель встречалась с писателями, поэтами и редакторами газет и журналов Москвы и Ленинграда. Она пыталась выяснить, как изменилось их положение в условиях гласности и более либерального отношения властей к искусству.

---

^{х)} Сокращенный перевод статьи из журнала /англ/ "Index on Censorship" 7/87.

"Для нас вы как марсианка!" - воскликнул А.Кушнер, ленинградский поэт, к которому я зашла в гости, прихватив "внеземной" подарочек: бутылку виски, с которой я, должно быть, внимательно /впрочем, в эти дни/ водка произвела бы аналогичный эффект/. Но ошеломил его не только мой выбор спиртного, сколько тот настрой, с каким я пришла.

"Я надеюсь, что мне удастся нарисовать нечто вроде литературной карты. Кто есть на карте, кто отсутствует, где проходят границы", - начала было объяснять я, но, поймав Сашину скептическую улыбку, в смущении замолкла.

"Ну, это длинная история", - промолвил, наконец, он. - А вообще, вы знаете хоть что-нибудь о русской литературе?"

"Наша основная задача как писателей заключается в том, чтобы духовно обогащать жизнь общества, создавать талантливые и правдивые произведения, отражающие нашу действительность во всех её проявлениях и величии, решительно борясь с идеологической и культурной агрессией империализма, который стремится навязать нам свои ложные ценности, чуждые гуманизму". /С. Михалков, председатель правления Союза писателей РСФСР/.

"В конце 70-летия Великой Октябрьской Социалистической Революции советская литература мобилизует и объединяет свои силы на решение грандиозных и ответственных задач..." /Из постановления правления Союза писателей СССР, май 1987 г./.

Поморшившись от чтения "Лит.газеты" и "Лит.России", я потянулась за мартовским номером журнала "Юность" и вздохнула с облегчением. "Поэзия должна, поэзии нужно... До тех пор, пока мы не научимся говорить "поэзия может быть такой-то или такой-то /т.е. может быть злободневной, а может и не быть/, любые попытки обновить язык поэзии будут разбиты вдребезги дубиной нашей литературной критики". Автор этих

строк — молодой московский поэт Александр Ерёменко, чьи работы до недавнего времени были знакомы лишь небольшому кругу почитателей, и только сейчас малая их часть начинает появляться на страницах официальных журналов. "Юность" отдала его едкому перу целых три страницы, на которых он бичует советскую бюрократию...

Изменилось всё или не изменилось, в сущности, ничего? Сопоставляя постоянно эти прямо противоположные мнения, принадлежащие двум различным группам советской литературной братии, я находилась как бы в состоянии шока, похожее на то, которое возникает при автокатастрофе. Я то и дело перемещалась из "мирка" писателей, знакомых в Москве и Ленинграде, в мир реальный, где они живут или через который поспешно проходят. Вот я в "мирке". Разговариваю, насколько позволяет об разование, о французской философии /Господи, опять Дерида, я надеялась, что хоть от этого меня избавит советская власть/. Потом мой собеседник-философ объясняет, как ехать к гостинице: "Сядете в метро на Финляндском вокзале — до площади Ленина — сделаете пересадку на пл. Восстания... А что смешного, почему вы смеетесь?" ... А вот лозунг из реального мира, мокнувший под дождем: "Народ и партия едины".

Разумеется, нет ничего нового для русского интеллигента в этом шизофреническом состоянии двуязычия. Это, собственно, и было его определяющей характеристикой. Но вот новым является то, что официальная пресса понемногу стала отражать на страницах своих изданий это языковое противоречие. В связи с этим, границы между "официальным" и "неофициальным", между "интеллигенцией" и "бюрократией" стали постепенно размываться. Внутри самого Союза писателей баталии ведутся обычным нормальным языком. Прежние "заправили" советской литературе, очевидно, усвоили новые слова "гласность" и "перестройка", даже не моргнув глазом. И если их голоса звучат не так пронзительно, как раньше, то лишь потому, что они знают: настоящая перестройка в один прекрасный день может выкинуть их из кресел, которые гарантят им неограниченную власть. При этом основной угрозой для них является та самая, отчуждаемая прежде, интеллигенция, которую нынче Горбачев призвал к себе

в союзники. Интеллигенция у власти? Пока не ясно вырисовывается этот странный призрак. Что же при этом происходит с образом поэта-изгоя, поэта за городокими воротами?

Чувство трагедии

Это тот образ, который трудно, долго и мучительно умирает. "Все наши писатели были мучениками", - сказала мне драматург и прозаик Л.Петрушевская. - "Они подвергались гонениям за моральную стойкость, и для нас, для меня и многих простых людей, эта стойкость являлась источником света".

Петрушевская относится к тому поколению литературной интелигенции, которая достигла зрелости в период первой оттепели. И если оттепель вдохнула в это поколение уверенный оптимизм, ощущение, что рано или поздно правда восторжествует, то в то же время её откровения, смешанные с собственными воспоминаниями войны и нищеты, привили чувство трагедии. Многие чувствуют себя потомками не уничтоженных родителей, а "пропавших без вести" писателей 20-х, 30-х годов: Ахматовой, Булгакова, Мандельштама, - реабилитация которых совпадла с первыми годами их творческой деятельности. 80-летняя Лидия Гинзбург, литературный критик, вспоминает, как к ней и к выжившим её современникам приходили показывать свои работы молодые писатели Ленинграда 50-х годов - А.Битов, И.Бродский, А.Кушнер. "Это наши предшественники сделали нас такими, какие мы есть", - соглашается Кушнер. - "У них мы учились нашей литературе". Он спросил, знаю ли я что-либо об этой литературе, сделав при этом жест, не~~в~~ столько указывающий в сторону книжных полок, сколько на традицию, которая возвела лучших писателей страны в ранг святых мучеников.

Дело даже не в том, что "пятидесятилетние" считают себя не такими уж большими мучениками. Все те литераторы, с которыми мне пришлось общаться, уже долгое время состоят членами СП, и по крайней мере часть их работ увидела свет. Скорее, образ поэта-мученика научил их stoицизму, почти добровольному принятию обстоятельств, которые подчас приводили их к поиску свободы - в "самих себе", а не в окружающем мире. Когда я спросила Петрушевскую, не обидно ли ей было, что несмотря на успех

её пьес, только семь рассказов были опубликованы за 20 лет /считалось, что ее произведения слишком мрачные/, ответ был: "Это может показаться странным, но я считаю такое положение вещей нормальным и даже в определенной мере правильным для меня как для человека и писателя. Надеюсь, конечно, что сейчас напечатают больше... Я всегда говорила и писала то, что думала, а печатали меня при этом или нет — для меня не так важно".

Подобные заявления мне не раз приходилось слышать от писателей поколения оттепели, когда я спрашивала их о том, как лично на них оказывается перемены, предпринимаемые Горбачевым. Они единодушно поддерживают его усилия /многие считают его даже своим/ и подчеркивают, что их собственные взгляды предвосхищали "гласность".

"Печатали меня или нет — это никогда не влияло на то, что я писал", — сказал писатель Фазиль Искандер, который однажды время был персоной нон-грата из-за его участия в издании неофициального альманаха "Метрополь" в конце 70-х годов.

"Конечно, мы были вынуждены быть терпеливыми", — говорит ленинградская поэтесса Т.Галушкина /Её новый сборник должен выйти на будущий год; в нем стихи, которые раньше не могли быть опубликованы из-за того, что открыто осуждают Сталина./ — "Но в ожидании есть одно достоинство: можно разобраться, что есть непреложные ценности, и отнести всё остальное."

Вероятно, писатели, чье долготерпение в конечном итоге было вознаграждено, могут показаться несколько самодовольными для тех, чьи работы ещё ни разу не публиковались, не говоря уже о членстве в СП. Однако, я чувствовала, что их замечания относятся к кому-то иному, отчасти к тем, которые не высказывались и покинули страну в конце 70-х годов; но в значительно большей степени, и это важно, — к тем, у кого стаж борьбы со сталинизмом гораздо меньше, чем у них. Либеральные "поэты" могут сейчас, при Горбачеве, оказаться полезными для управления. Некоторые из них — такие как Евтушенко и Вознесенский — поднялись до руководства СП. Но так как иначе все поют на громом наречии /против культа, за гласность

и ускорение/, интеллигенция озабочена тем, чтобы их голоса все же выделялись из общего хора, поскольку в иной тональности они пели дольше, чем кто-либо.

Бродский - не поэт

Это в самом деле очень утомляет и раздражает - слушать искусных оппортунистов гласности. Дементьев, секретарь правления СП РСФСР, ставит, например, себе в заслугу от имени соц.реализма развитие тех литературных течений, которые и возникли как оппозиция к нему.

"Сегодня, когда высокохудожественные произведения большой выразительной силы и метафоричности завоёвывают огромный читательский интерес, уже не вызывает никаких сомнений тот факт, что наш художественный метод не был закрыт не только для произведений, правдиво отражающих действительность, но и трансформирующих её, т.е. для произведений, основанных на гротеске, фантазии и т.п."/Тут можно задать вопрос, как же увязать эти рассуждения с работами А.Синявского, чей отход от реальности стоил ему тюремного заключения./

Можно не сомневаться, что новоявленные сторонники гласности объявят себя её самыми ревностными приверженцами и первыми будут обвинять других в непонимании её сущности. Они должны, что советская свобода не может истолковываться как свобода буржуазная, что советская культура не должна стать жертвой таких чужих ей явлений как рок-музыка или искусство "вызывающее к необузданым инотинктам, т.е. тем, которые находятся ниже пояса". /Ф.Кузнецов, председатель правления Московской писательской организации/. И когда М.Алексеев, редактор журнала "Москва", высказал предостережение относительно появления "демагогов" нового времени, он не согласовывал его со своими коллегами, возглавляющими Союз. Этим Алексеев несколько озадачил меня, и я решила с ним встретиться. Журнал "Москва" известен своей консервативностью и националистической направленностью. Но именно Алексеев принял решение опубликовать в 12 номере за прошлый год роман Набокова "Защита Лужина". Что это? Оппортунизм или способ увеличить популярность журнала? Алексеев объяснил: "Мы решили, что настало время вернуть На-

бокова нашим читателям. Они, как мы чувствуем, достаточно созрели, чтобы понимать его. /Откуда, - удивилась я, - взялась вдруг эта зрелость?/ И, к тому же, он, в конце концов, был русским".

Я спросила, не собираются ли они для еще большего увеличения популярности журнала в ближайшем будущем опубликовать на его страницах "Лолиту". На это последовал отрицательный ответ. "Вы знаете, у нас имеются определенные моральные принципы". При помощи соответствующих эфемизмов я намекнула ему, что ведь были и другие русские писатели, которые, к великому сожалению, вынуждены были покинуть страну ввиду "довольно сложных обстоятельств" /пользуясь выражением С.Михалкова/, возникших не сколько лет тому назад. Не настало ли время их тоже возвратить вашим читателям?

"Каких?" - довольно резко спросил Алексеев.

"Ну, таких как поэт Иосиф Бродский, например?.

"Бродский - не поэт", - объяснил он мне. - "К тому же он не русский". Вот так. Вероятно, имелось ввиду то обстоятельство, что Бродский - еврей.

К л у б 8 I

В ходе моих литературных изысканий я не впервые столкнулась с обсуждением темы СНД. Вскоре, в одном из ленинградских медицинских журналов должна быть напечатана статья по этой проблеме. Главный отдел цензюры дал разрешение на её публикацию. "Только есть один нюанс", - сказали автору. № Надо исключить слово "гомосекоуалист". Подберите какой-нибудь другой термин."

Поэт Виктор Кривулин, рассказавший мне эту историю, хотел продемонстрировать характер и пределы цензуры в СССР.

"Не дело, в сущности, не в цензуре", - сказал Кривулин. - "Строго говоря, и в какой-то мере это правда, цензура сегодня занимается лишь вопросами, связанными с военными сокретами, порнографией и пропагандой расизма. Суть настоящей проблемы значительно шире: весь образ мышления людей, от которых зависит издание литературы".

Не не изменяется ли этот образ мышления?

"Ну, определенным образом, конечно, да", - вздохнул Кривулин. - "Шире стала тематика разрешенных к печати произведений. Фактически, почти всё, что угодно может быть написано о чём угодно, только при условии, что написано будет в нужном ключе".

Кривулин - из ленинградских поэтов, примкнувших 6 лет назад к группе, известной под именем "Клуб-81". Впрочем, "примкнул" сказано слишком сильно.

"Нас так или иначе заставили объединиться", - объясняет он.

В 70-е годы он и многие другие молодые писатели стали публиковать свои работы за рубежом. "Мы не хотели идти на компромиссы", - сказал Кривулин. - "И когда редакторы говорили нам - это замечательное стихотворение, только, знаете, сделайте его чуть жизнерадостнее, - такое заявление было равносильно отказу".

Он и другие писатели-единомышленники организовали в Ленинграде журналы самиздата /"37", "Обводный канал"/, куда помещали собственные рукописи и переводы зарубежных авторов - поэтов, философов. Периодически, на квартирах устраивались обыски, часто вызывали на допросы.

"Однако, КГБ начал менять тактику. Просто так они от нас избавиться не могли - мы уже имели влияние. Поэтому одной из их задач стало приспособить нас как-то к системе. Они пытались выяснить, что мы собой представляем, чем занимаемся, и придать нашей деятельности нечто вроде официального статуса. С этой целью и был создан клуб. Это была их идея, а не наша".

Результатом этих процессов явилось издание в 1985 году сборника "Круг", в который были включены избранные произведения членов "Клуба", в частности, самого Кривулина. В свете рассказанной истории, меня совсем не удивило пессимистичное /более чем/ отношение Кривулина к его первой официальной публикации. "По существу, это не было изданием наших работ. Они ~~и~~ угробили их. Сделано было достаточно тонко, но все равно они их угробили: выбрали наименее интересные и поместили в контексте, совершенно с ними не связанном".

Это была самая пессимистичная интерпретация политики Горбачева, из всех, с какими мне приходилось сталкиваться. Поэты-авангардисты, с которыми позднее я познакомилась в Москве, оказались менее привередливыми, чем Кривулин /в большинстве, они значительно моложе его/. Привели ли долгие годы "подполья" в Ленинграде к чему-то вроде склонности к отчуждению? "Отчасти, да", — сознается Кривулин. — "В эпоху глаоности так называемая "вторая культура" потеряла часть своего значения /и, конечно, романтичности/. С другой стороны, после долгих лет такого существования оказалось трудно примириться с тем, что ты превращаешься в "обычного автора", чьи работы идут под заголовком "Советские писатели".

В самом деле, сама сущность их произведений, не имеющих ничего общего с тематикой соц.реализма, делает такое превращение абсурдным.

Дух непочтения

Но именно этот самый абсурд, можно сказать, и является основной темой таких писателей как Дмитрий Пригов или Владимир Сорокин, которые представляют одно из направлений московского авангарда. Хотя подполье, работа в котором всегда была отличительной чертой литературной братии "второй столицы", нравится им, по-видимому, значительно меньше, чем Кривулину. Тем не менее, они позаимствовали некоторые ленинградские традиции, восходящие к писателям-абсурдистам 20-х, 30-х годов. Эти авторы создают комические ситуации, черпая их из противоречий между советским литературным стилем и реальностью, которую с его помощью пытаются описать. Никакая утонченность человека, утверждают они, не оградят его от воздействия этого эвфемистического языка. Они стремятся не к чистоте стиля, а к пониманию той структуры, которую сформировал этот язык.

Было бы неоправданным отнести этих писателей к разряду "молодых", — разве что воспользоваться критерием "публикуемости", который, действительно, равен нулю. Пригову, например, скоро перевалит за 50. Но глубоко непочтительный дух отличает его как от литературной бюрократии, так и от многих

почти-современников из старой интеллигенции. Он и его последователи убеждены в том, что общая атмосфера самодовольства бюрократического аппарата, бесконечные проповеди о необходимости чистоты и духовности — всё это в конечном итоге есть гротескное отражение литературной религии интеллигенции. И если культуре необходимо сохранить доброе имя, то, вероятно, уже пора убрать святых этой религии.

Хотя пародия и является одной из характерных черт новых московских поэтов, но появилась она не только как протест против вечного абсурда "системы". Лингвистическое самосознание нового поколения поэтов, их работа с языком и формой находит на мысль о существовании общих корней с литературными движениями Запада. Есть ли это, поинтересовалась я, советский вариант модернизма?

"Можете называть это так", — сказал М.Эпштейн, один из немногих критиков, которые провели серьезное исследование авангардизма в СССР. — "Но на сей раз это не просто случай влияния Запада на Восток.. Я думаю, дело здесь в одной и той же движущей силе".

На формирование сознания интеллигенции старшего поколения влияли, прежде всего, катаклизмы истории собственной страны, в то время как молодое поколение, по утверждению Эпштейна, формировалось под воздействием более общих проблем. Как на Востоке, так и на Западе, полагает он, ощущение наступающего "конца" способствовало поиску некоего окончательного единения в языке. Во всяком случае, вероятность того, что мир действительно приближается к концу, привела к представлению об идеологических барьерах, по большей части, анахронизмах.

Пусть каждый имеет право на собственное мнение.

Не удивительно, что работы московских авангардистов склонялись на все голоса как "оокорбительные", "намеренно усложненные", "антисоциальные" или просто "трудные" для понимания. И очень мало из них было опубликовано, что является большей причиной для писательского отчаяния, чем судьба Вселенной. Но молодые москвичи, с которыми мне довелось встретиться,

находились в довольно хорошем расположении духа. Они полны решимости использовать любые выгоды, которые предоставила им гласность, причем выгоды эти оказались значительными.

Так, в прошлом году, наряду с другими "неофициальными организациями", в Москве был открыт клуб "Поэзия", который разместился в собственном здании. Члены клуба устраивают публичные чтения своих произведений и получают за это деньги.

"В идеале нам хотелось бы", - сказал поэт Геннадий Кацов, один из организаторов этого клуба, - "использовать заработанные деньги для издания своих сочинений. Мы могли бы покупать бумагу и сами рассчитываться с типографией". Он настаивал на том, что речь идет не об "издательских кооперативах", организации которых сейчас теоретически разрешена. "Мы хотим полностью избавиться от влияния какой-либо бюрократии", - объяснил он, добавив с оттенком "старорежимного" аскетизма, что они не стараются делать только деньги. "В чем мы действительно заинтересованы, так это в литературе".

Но реален ли такой план? И если да, то есть ли хоть какие-то гарантии, что читателя тоже заинтересует их литература?

"А разве не стоит попробовать?" - сказал Кацов. - "Мы устали от цинизма. Цинизм - хорошая позиция, чтобы ничего не делать. Ну а - нужна ли наша литература кому-нибудь - издание книг это покажет."

Если им будет сопутствовать еще и удача, то пусть они выиграют. Меня тронули рассуждения М.Эштейна о "транскультуре" - той, которая отражает общеевропейское самосознание. Но до тех пор, пока вклад России в эту новую культуру будет оставаться лишь на листах машинописного текста, таможенники будут делать все возможное, чтобы Запад не разделил эту культуру с Россией.

Когда я сидела в баре, в Лондоне, и думала обо всём этом, меня отвлек бешеный лай двух собак. Натягивая поводки, они тащили друг к другу оскаленные морды с противоположных сторон улицы. "Фредди, к ноге!" - прикрикнул на собаку хозяин. - "Запомни: глашность!"

Какие-то странные эти дни для Британской демократии, когда мы вынуждены заимствовать русское слово для обозначения спокойной терпимости. Но, конечно, это скорее английская интерпретация гласности. Более точный перевод этого скользкого лозунга - "Пусть каждый имеет право на собственное мнение". Собаки знали это, а потому продолжали лаять.

Разного голоса мнений

Когда я вернулась из Советского Союза домой, в голове у меня всё ещё звучали разные голоса, а в сумочке покоялись свежие записи /никто меня не обыскивал на таможне/. Я попыталась воспроизвести эту полифонию в статье, но когда хочешь быть максимально объективным, что-то при этом всегда теряется. Когда постоянно слышишь лай, на котором разговаривают Восток и Запад, возникает стремление к чему-то спокойному и мелодичному. Вот тогда и начинаешь заниматься самоцензурой.

Постараюсь проиллюстрировать /постскриптум/ те трудности, с которыми мне пришлось столкнуться. Вот голоса и реплики дословно.

Поэт. - Нет, пожалуйста. Я не против того, чтобы вы пользовались магнитофоном. Я скажу, когда его выключить.

Молодой писатель. - Вы звоните с телефона-автомата? Я уж было подумал, что из гостиницы.

Турист из Англии /на следующее утро после приезда/ - Ну не ужасная ли это страна!? Бедные люди. Клянусь, что если они откроют границы, моментально все уедут.

Известный романист /беседуя о Бродском, встали в очередь за кофе в буфете Союза Писателей/. - Простите, не могли бы мы пока поговорить о чем-нибудь другом.

Американский студент, турист. - Вы полагаете, что у них на самом деле меняется? Как, я не знал, что у них уже новое правительство! А что стало с этим парнем - как его звали? - ну, тот, что с густыми бровями?

Няня из Англии, туристка. - Такая живописная картина ходить по здешним магазинам. Здесь интересней покупать что-ни-

будь, чем в магазинах Сайнбери, разве не так? И мне нравится, что не надо мучиться, как у нас, где каждой вещи по шесть сортов и не знаешь, что выбрать.

Известный поэт. - В нормальной стране, конечно, многие из этих людей не стали бы писать стихи, а занялись чем-то более разумным - частным бизнесом, например. Только не говорите, что я это сказал.

Критик /закуривая на лестнице/. - Поговорим об этом, когда вернемся в комнату.

Турист из А^нглии. - Вы хотите сказать, что собираетесь оставаться еще на целую неделю? У вас, вероятно, слишком много энтузиазма! Ах, у вас здесь друзья! Ну-ну, понимаю, понимаю...

Психолог /после получения знакомства/. - Мне бы так хотелось увидеть Лондон! Подушайте, я понимаю, что вы опаздываете на поезд, но почему бы нам с вами не пожениться? У меня двухкомнатная квартира 18 м². По образованию - психолог, значит, никаких проблем сексом...

Горничная в гостинице "Россия" /в перчатках/. - Можно вас спросить кое о чём? Как вы считаете, могу ли я через ключи заразиться СПИДом? Все-таки некоторые из этих иностранцев... Но вы так хорошо говорите по-русски. Я сразу поняла, что вы доктор.

Поэт. - Боюсь, что мы никогда не поймем друг друга. Вам для этого нужно прожить здесь всю жизнь.

Я /репетируя досмотр на таможне/. - Если вы конфискуете эти кассеты, то я вам отомщу так... Весь мир будет... Я такие вещи сделаю, что они ещё не знают...

Американский турист. - И это вы называете салатом? Приятного аппетита, конечно, но я лично - мороженое.

Друг. - Помни, что воё дело в деталях.

Поэт. - "Index on Censorship"? Что-то мне не очень хочется появляться в журнале с таким названием. Да и рискованно.

Разговорчивый таксист. - Ну, сознайтесь. Разве вы не думаете, что моя рубашка - это какой-то комар? Но они делают так.

А, пусть они будут уродливыми. Людям все равно носить нечего - купят!

Писатель. - Только не расписывайте в своей статье таксистов.

Все ваши читатели скажут: ну, это нам давно известно, и ничего не изменилось. Но ведь изменилось, на самом деле изменилось...

Писатель. - Основное, что следует подчеркнуть - мы д е й - с т в и т е ль н о поддерживаем Горбачева, потому что ему необходима любая поддержка.

Поэт - националист, шовинист, антисемит. - Не пишите только в своей статье, что я поэт-шовинист, националист, антисемит.

Друг. - Напиши всё так, как оно есть. Не комплексуй.

!!!!